

„День Субботній“.

кончить заниматься! Табуреты на мѣста!.. Во фронтъ! Нараспѣвъ, пріятнымъ теноромъ, командовалъ фельдфебель-кадетъ старшаго класса, входя въ рекреационный залъ неранжированной роты Энскаго кадетскаго курпуса.

Малыши приговорительнаго и перваго классовъ, одѣтые въ однобортныя курточки чернаго сукна съ бѣлыми погонами и стоячими крѣпкими воротниками, подпиравшими ихъ миниатюрны подбородки, сидѣвшіе, до команды, у своихъ конторокъ и еле-еле смотрѣвшіе своими сонными глазѣнками въ ненавистныя имъ учебники, мигомъ вскочили со своихъ мѣстъ, поставили табуреты подъ конторки, тянувшіяся вдоль стѣнъ зала, и, быстро построившись во фронтъ, замерли, держа руки „по швамъ“ и смотря прямо передъ собою.

Право-фланговый, краснощекій и крѣпко сложенный 12-ти лѣтній мальчикъ, круглый сирота, только что двѣ недѣли тому назадъ привезенный изъ далекой провинціи опекуномъ назначеннымъ отъ дворянства, молодцовато стоялъ, вытянувшись, славно онъ уже давно прошелъ всю мудрость фронтовой выправки, но щипки, которыми его надѣлялъ товарищъ, стоящій въ задней шерингѣ, не давали ему покоя, и онъ, невольно, пошевелился.

— „Эй! ты! новичёкъ! что ты тамъ вертишься!“ ... крикнулъ фельдфебель, стоящій передъ фронтомъ.

Федя молчалъ.

— „Останься безъ ужина!“ крикнулъ ему фельдфебель и затѣмъ молодцовато скомандовалъ: „Рота на право! Ша-гомъ маршъ!“ И рота, стройно маршируя, вышла въ корридоръ, поднялась по

лѣстницѣ и „не сбиваясь съ ноги“ длинной лентой потянулась къ своимъ столамъ, стоящимъ перпендикулярно къ стѣнамъ громадной столовой.

Другія четыре роты стояли уже у своихъ столовъ.

Барабанъ пробилъ „на молитву“.

На средину столовой вышелъ великовозрастный кадетъ, оставилъ правую ногу, отклонилъ свой корпусъ нѣсколько назадъ, откашлялся и чрезъ секунду заплѣлъ бархатнымъ баритономъ:

— „Очи всѣхъ на...“ — „Тя Господи уповають...“ стройно подхватилъ хоръ изъ пятисотъ голосовъ. По окончаніи молитвы и по знаку, данному дежурнымъ по корпусу штабъ-офицеромъ, барабанщикъ ударилъ сигналъ, по которому можно было садиться.

Подали картофель въ „мундирѣ“ и по куску масла, формою своею напоминающему маленькій огарокъ свѣчки.

Федя, обладавшій изряднымъ аппетитомъ, съ завистью смотрѣлъ на товарищей, которые, сдѣлавъ изъ картофеля „тюрю“, намазывали ее тонкимъ пластомъ на толстые ломти хлѣба, въ изобиліи подаваемые на столъ.

Выпивъ изъ серебряной чаши - стопы „приза Синопскаго сраженія“ вкуснаго корпуснаго кваса, Федя тихонько стащилъ ломоть чернаго хлѣба и спряталъ его за голенище. — „Какъ васъ?.. Что ты нагибаешься подъ столъ? спросилъ Федю унтеръ-офицеръ, сидѣвшій за „старшаго“.

— Нога что-то зачесалась — отвѣтилъ Федя и покраснѣлъ.

— „Ну-съ... чтобы у васъ ноги не чесались, то послѣ ужина встать подъ часы до половины одиннадцатаго, сказалъ унтеръ-офицеръ.

Федя, какъ ни крѣпился, но лицо его стало подергиваться судорогою, и онъ уже собирался заплакать.

— Эхъ ты, нюнька!... Плакса! насмѣшливо глядя на него, сказалъ товарищъ, сидящій vis-a-vis.

Федя удержался и попробовалъ улыбнуться, но вмѣсто улыбки вышла жалкая гримаса.

— „Ты что это вздумалъ рожи корчить? — слышался грозный окликъ строгаго унтеръ-офицера — оставайся завтра безъ пирожнаго!“

Въ это время дежурный по корпусу махнулъ киверомъ, при чемъ черный буйволоный султанъ красиво мелькнулъ въ воздухѣ. Барабанщикъ, уловивъ сигналъ, съ ловкостію жонглера, перекидывая барабанными палками, пробилъ на „молитву“.

Опять вошелъ регентъ, и подъ его дирижерствомъ была процѣта благодарственная молитва.

По окончаніи молитвы всѣ роты стройно разошлись по своимъ помѣщеніямъ.

Голодный Оеда шелъ во флангъ, и вдругъ сзади его идущій товарищъ шепнулъ: „Не горюй! Мы для тебя вынесли и картошки, и хлѣба да и масла немного набрали... ѣшь на здоровье. Какъ только тебя отпуститъ „злыдня“, такъ ты и поглядывай, когда онъ заснетъ... Тогда и „контуй“—все будетъ сложено подъ твоимъ тюфякомъ!“

Оеда понялъ и просіялъ. Послѣ молитвы на сонъ грядущій кадеты были распушены и быстро разбѣжались. Кто пошелъ къ своей кровати, кто побѣжалъ въ „умывалку“, чтобы первому захватить сапожныя щетки и начистить сапоги на завтра, а иные, не успѣвшіе приготовить уроковъ, съ разрѣшенія дежурнаго офицера, сѣли за длинный столъ, освѣщаемый двумя тускло горѣвшими масляными лампами.

Въ половинѣ одиннадцатаго, Оеда былъ прощенъ и уволенъ спать.

Дождавшись, когда его „мучитель“ заснулъ, Оеда сталъ ужинать, съ аппетитомъ уплетая смявшійся въ лепешку картофель, хлѣбъ, масло — все пахнущее кожей, такъ какъ всѣ эти продукты путешествовали за голенищами добрыхъ товарищей.

Сложивъ кожуру и другіе остатки въ голенища своихъ сапогъ, Оеда прокрался въ „уборную“ и высыпалъ остатки трапезы въ ярко топившійся каминъ и тѣмъ же путемъ возвратился, легъ въ постель и заснулъ невиннымъ сномъ младенца.

Слѣдующій день была суббота.

Въ приготовительномъ классѣ, большой свѣтлой комнатѣ, въ которой сидѣлъ и Оеда по малограмотности, на двухъ черныхъ доскахъ, стоявшихъ перпендикулярно на двухъ мольбертахъ, мѣломъ, довольно художественно были нарисованы колбасы и колбаски разныхъ сортовъ и отъ каждой штучки шла нарисованная ниточка и всѣ эти ниточки соединялись въ руки съ длинными ногтями карикатурно нарисованнаго нѣмца.

Въ другой рукѣ нѣмецъ держалъ бутылку и на этикетѣ было написано: „мозоль-вейнъ“, а подъ всею картиною каллиграфическимъ почеркомъ была выведена надпись: „Ты баронъ?—фонфоронъ! Распугалъ ты всѣхъ воронъ!..“

—„Идѣтъ!“ крикнулъ крѣпышъ—смуглый мальчикъ, стоявшій на караулѣ у входныхъ дверей, и съ этимъ возгласомъ стремглавъ кинулся къ своему мѣсту и, какъ ни въ чемъ не бывало, уставилъ свои глазенки въ раскрытый учебникъ.

Въ классъ вошелъ молодой учитель гордо, закинувъ голову назадъ.

Форменный виць-мундиръ плотно облегалъ его стройную фигуру.

Раздвинувъ фалды фрака, онъ усѣлся за учительскимъ столомъ, положилъ классный журналъ на столъ и, доставъ изъ бокового кармана изящное зеркальце и маленькую гребеночку, сталъ расчесывать свои пышныя бакенбарды и усы. Осмотрѣвъ себя въ зеркальце, онъ спряталъ туалетныя принадлежности въ карманъ, оттянулъ гуттаперчевый снурокъ, на которомъ висѣло золотое ринс-pez, и быстро выпустилъ. Ринс-pez, мелькнувъ въ воздухѣ, осѣдлало его красивый носъ.

Затѣмъ изъ того же бокового кармана онъ досталъ модный бумажникъ, изъ котораго вынулъ пачку совершенно новыхъ кредитокъ рублеваго достоинства и сталъ вполголоса пересчитывать.

Мальчуганы сперва дружнымъ шопотомъ, а затѣмъ все громче и громче принимали участіе въ этомъ счетѣ:

— „Тридцать пять, тридцать шесть, кашу есть... сорокъ восемь, сѣно косимъ...”

— „Это что за шумъ?“ сказалъ учитель. Мальчики замолчали.

Тогда изъ другого отдѣленія бумажника учитель вынулъ билетъ розоватаго цвѣта съ номеромъ и, поднявъ его, спросилъ: „Который номеръ?!“

Мальчики, сидѣвшіе на передней скамейкѣ, дружно крикнули: 52-ой! А затѣмъ и весь классъ громко заоралъ: пятьдесятъ второй!

— А знаете ли вы, что это за № 52-ой?! снова спросилъ учитель и, не получивъ отвѣта, продолжалъ:

— Это будетъ для входа въ 4-ый рядъ Мариинскаго театра... Сегодня опера! Хотя я и не привыкъ сидѣть такъ далѣко отъ сцены, но... и вдругъ учитель, не докончивъ фразы, пріятнымъ теноромъ запѣлъ:

— „Рата-блямъ! Рата-блямъ! Рата-блямъ, блямъ-блямъ“ ... подражая пѣвцу Саріоти, пѣвшему партію акта оперы Гугеноты. Мальчуганы хихикали.

— „Ахъ какъ это прелестно“ говорилъ учитель, расхаживая по классу, но, взглянувъ мимоходомъ на доски, увидѣлъ изображенное и сказалъ: „швейнъ“.

Усѣвшись на стулъ, онъ развернулъ журналъ и недовольнымъ тономъ вызвалъ лучшаго крѣпыша.

— „Чижиговъ! къ доскѣ!“

Крѣпышъ сидѣлъ и не выходилъ къ доскѣ.

— „Чижиговъ!“ снова вызвалъ учитель, смотря на мальчика.

Тотъ продолжалъ сидѣть. Тогда учитель покраснѣлъ, завернулъ на правомъ рукавѣ лацканъ и, подойдя къ крѣпышу, схватилъ его за ухо и потащилъ къ доскѣ.

Мальчикъ завизжалъ, какъ поросенокъ.

— „Развѣ ты не слышалъ, что я тебя вызываю“, говорилъ учитель, продолжая тащить мальчика.

— Моя фамилія Чижиковъ, а не Чижиковъ—продолжая визжать, говорилъ шалунъ.

— „Сотри съ досокъ! приказалъ учитель, выпуская побагровѣвшее ухо мальчика.

Но губки не оказалось. Дежурный по классу отправился за губкой, но не торопился возвращаться: зашелъ въ „уборную“, гдѣ просидѣлъ добрыхъ десять минутъ, и затѣмъ уже возвратился съ класснымъ служителемъ, который и стеръ картину.

Давъ просохнуть доскамъ, учитель герръ Оттонъ, еще выше засучивъ правый рукавъ форменнаго вицъ-мундира, взялъ въ руки мѣлъ и красивымъ почеркомъ написалъ на доскѣ:

Атаманъ и Ананасъ.

И весь классъ, доставъ разноцветныя тетради, громко читая нараспѣвъ, выводили каракулями слова, написанныя учителемъ чистописанія, который въ этомъ импровизованномъ хорѣ, громко пѣвшемъ, выдѣлялся пріятнымъ своимъ теноромъ.

Забилъ барабанъ. Перемѣна.

Словно спуганная стая воробьевъ, выскочили ребятишки изъ класса въ корридоръ, опережая учителя и выстроившись лицомъ къ лицу въ двѣ шеренги пропустили герра Оттона, идущаго съ гордо откинутою головою назадъ, и при этомъ мальчуганы тѣ, которыхъ учитель уже прошелъ, напѣвали: „Мозоль-вейнъ! мозоль-вейнъ, ейнъ, цвей, дрей“.

Дѣло въ томъ, что герръ Оттонъ поступилъ учителемъ чистописанія по протекціи своего отца, служившаго годовымъ мозольнымъ операторомъ у графа Гудлерберга, а братъ учителя торговалъ въ колбасной.

Второй урокъ, географіи, прошелъ при полной тишинѣ. Никому изъ шалуновъ не хотѣлось испробовать крѣпость чернаго дерева, изъ котораго была сдѣлана старая флейта, которую учитель географіи всегда приносилъ съ собою и безпощадно лупилъ незнавшаго урока.

Но тѣмъ не менѣе, тѣмъ же таинственнымъ художникомъ на доскѣ былъ нарисованъ старикъ, варящій на очагѣ въ котлѣ какое-то снадобье. Подписано было: „Вакса“.

Ребятишки замѣтили, что старикъ-учитель красилъ свои сѣдые усы и бакенбарды въ черный цвѣтъ, и рѣшили, что это возможно производить только ваксой.

Старикъ на это не обижался.

Въ 11 часовъ утра уроки на этотъ день окончились, и кадеты, получивъ и мигомъ съѣвъ по половинѣ французской булки, иногда даваемой на завтракъ, были поставлены во фронтъ, и ротный командиръ сталъ вызывать тѣхъ кадетъ, которые въ теченіе недѣли получили изъ предметовъ десять и болѣе балловъ по двѣнадцатибальной системѣ, а также и тѣхъ, кто получилъ ноль или единицы.

И первыхъ, и вторыхъ набралось достаточно. Отдѣливъ „козлицъ“, фронтомъ въ двѣ шеренги повели всѣхъ въ обѣденное зало и поставили: „прилежныхъ“ вдоль правой стѣны, а „лѣнивыхъ“ — лѣвой стѣны въ такомъ порядкѣ: кто получилъ изъ 6-ти и болѣе предметовъ вышеозначенные баллы, тѣ стояли впереди, за ними слѣдовали въ понижающейся степени.

Батальонный командиръ вздрагивающей походкой ходилъ по залу въ ожиданіи директора.

Въ одномъ концѣ зала, поперекъ ея были поставлены нѣсколько обѣденныхъ столовъ въ одинъ рядъ, и на этихъ столахъ пирамидально высились апельсины и яблоки.

Въ отворенныя настежь двери вбѣжалъ барабанщикъ, караулившій приходъ директора.

— Смирно! скомандовалъ батальонный командиръ, и фронтъ замеръ.

Вдали корридора показался директоръ со свитой, состоящей изъ инспектора классовъ, завѣдывающаго хозяйствомъ, главнаго доктора и корпусныхъ офицеровъ, не занятыхъ въ этотъ день службою.

Обернувшись спиной къ „лѣнивымъ“, директоръ поздоровался съ „прилежными“: Здравствуйте, дѣти!

— Здравія желаемъ вашему превосходительству, гаркнулъ „прилежный фронтъ“.

Подойдя къ столамъ, на которыхъ были разложены фрукты, и ставъ по срединѣ, директоръ приказалъ инспектору классовъ вызывать прилежныхъ, и каждому подходящему офицеры давали по столько яблоковъ и апельсиновъ, сколько онъ получилъ хорошихъ отмѣтокъ.

Раздача фруктовъ окончилась, и вбѣжавшіе служителя быстро убрали столы; а прилежные были уведены по ротамъ.

Тотчасъ же затѣмъ изъ боковыхъ дверей выскочили два барабанщика, неся скамейку, покрытую грубой простыней, а за ними, нагибаясь подъ тяжестью охапокъ березовыхъ прутьевъ, медленно выплыли два служителя. Скамейка и розги были поставлены и разложены по срединѣ залы.

— „А! ты опять“... обратился директоръ къ одному изъ великовоз-

растныхъ кадетъ, стоящихъ въ передней шеренгѣ и умудрившемуся за недѣлю получить по круглому полю изъ шести предметовъ.

— „Ступай ложись! сказалъ директоръ, „пятьдесятъ“, добавилъ онъ, обращаясь къ батальонному командиру, и затѣмъ со свитой вышелъ изъ залы.

Приговоренный, раскачиваясь на ходу, словно онъ шёлъ по колеблющейся палубѣ корабля во время бури, медленно подошелъ къ скамейкѣ, раздѣлся и предоставилъ въ распоряженіе начальства свою „касательную линію“.

Закусивъ большой палецъ руки, во все время наказанія онъ не издалъ ни одного звука и, получивъ „полсотни“, хладнокровно одѣлся и тою же походкой возвратился на свое мѣсто во фронтъ.

Началась экзекуція и менѣе виновныхъ въ лѣности, ротные командиры увели по ротамъ и тамъ уже dokonчили по своему разумію.

Затѣмъ начались отпуска „за корпусъ“ тѣхъ воспитанниковъ, у которыхъ родные или знакомые жили въ городѣ.

Д. Перскій.

